

A sepia-toned photograph of a person walking away from the camera on a paved path in a park. The person is wearing a dark hooded jacket and dark trousers. The path is lined with trees and a street lamp is visible on the left. The overall mood is contemplative and solitary.

16+

Дмитрий А. Макаров

Параллели

Цикл рассказов

Дмитрий А. Макаров

Параллели. Цикл рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48857885

SelfPub; 2023

Аннотация

В жизни всегда есть место необъяснимому, мистическому. Роковому стечению обстоятельств и судьбоносным встречам. Порой ловишь себя на мысли, что всё предопределено. Что идёшь по своей колее. И чтобы ни сделал – это уже давно прописано в "Книге судеб". Или совсем наоборот? Может ты именно тот, кто эту книгу пишет?! Главное оказаться в нужное время, в нужном месте.

Содержание

По краю дождя	4
Всё будет завтра	17
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Дмитрий Макаров

Параллели. Цикл рассказов

По краю дождя

Порой, неожиданно даже для себя самого, я совершаю странные поступки. Абсурдные, нелогичные и в большинстве случаев ничем немотивированные.

Так было и в этот раз. Накатило спонтанно и беспощадно. До внутренней дрожи и жгучего холода в кончиках пальцев. Толкнуло в спину хоть вставай и беги.

Так у меня всегда. Не люблю долгие основательные сборы, не понимаю, как люди могут неделями высчитывать, просчитывать, собираться и в итоге никуда не уехать. Всё, что мне надо уже давно лежит в машине: походный рюкзак со стандартным набором путешественника, удочка и фотоаппарат.

Осталось забежать в магазин за провиантом и вот я уже в пути. Ровная гладь автострады с исчезающими под капотом белыми линиями разметки. Меняем фокус на бездорожье. Кругом лес и поля. Куда я еду? Не знаю сам. Куда глаза глядят, наверное.

Я часто так делаю, мотаюсь по дорогам страны, не зная цель конечного маршрута. Еду пока не пойму, вот – это оно. Я ехал сюда. Для меня это правило. Но в этот раз вышло

исключение.

Машина заглохла у края небольшого заброшенного поля. Вот только что ехала и без всяких предисловий и видимых причин остановилась. Словно вырубili рубильник в электрощите.

– Пипец! – ошалело выдал я. До сего момента мой надёжный «Патриот» ещё ни разу меня не подводил.

Попробовал завести (два раза) – безрезультатно. Вышел, открыл капот. Зачем? Я в механике, словно Монсеррат Кабалье в балете. Видеть видел, а сделать не могу. Захлопнул.

Закурил. Облокотился на капот. Стал думать. Что же делать? Забрался в Тмутараканью. Эвакуатор вызвать – дешево машину здесь бросить. Надо позвонить друзьям! Я сунулся в салон за телефоном, бросил мимолётный взгляд на GPS-навигатор – сдох вместе с машиной. И где теперь меня искать, в деревне у бабушки?

– А вот это уже совсем не весело, – раздражённо проворчал я, увидев на дисплее сотового, что нахожусь вне зоны действия сети и, не выдержав, зло сплюнул в траву. – Не везёт, так с детства.

Я вновь попытался оживить так некстати сломавшуюся технику. Реаниматолог из меня вышел неважный. Пациент не подавал признаков жизни.

Остаётся одно – идти пешком. Дорогу не зря наездили, куда-нибудь да выведет.

А день, между тем, кончался. Солнце висело уже над го-

ризонтом, а с противоположной стороны на меня наплывали чёрные косматые тучи. Ветер крепчал то и дело, сбиваясь на штормовой порывистый. Доносились далёкие раскаты грома.

Это надо же было так вляпаться. Резко расхотелось куда-то идти. В незнакомом месте, в ночную грозу, когда не знаешь где ближайший населённый пункт – это надо быть сумасшедшим или авантюристом. И шампанское я не люблю.

Начал накрапывать мелкий дождик, резко потемнело, тучи висели уже над головой, ветер прибавил ещё пару метров в секунду. Стало неудобно.

И тут вновь накатило. Словно толкнуло что-то в спину – не сиди, иди. Засвербело, зазудело, погнало прочь от машины. Интуиция, инстинкт, самодурство – называйте, как хотите, но в такие минуты я привык доверять своим ощущениям.

Не теряя времени, я закинул свой походный рюкзак за спину, запер машину и вновь посмотрел на чернеющее небо. Авось успею по краешку дождя.

Края леса я достиг, когда уже совсем стемнело. Широкая колея сменилась на узкую заросшую просеку. Идти стало труднее.

Постепенно дорога стала заметно забираться левее. Совсем рядом ослепительно сверкнуло, над головой громыхнуло – сердце в пятки, душа в рай. Жуть. Я вообще страшно не люблю грозу.

Прибавил шаг. Почти побежал. Куда? Пожимаю плечами. Главное в движении. И тут, как наваждение, впереди, среди веток и листвы, я увидел слабый, далёкий огонёк. Словно светилось окно в доме. Неужели деревня?

Не веря в свою удачу, я сорвался на бег. Ель, сосна, берёза, кусты орешника, всё лес кончился! Вот она, родная, спасительница.

В темноте чернеют контуры домов, а в самом крайнем одиноко светятся два окна.

Подхожу к калитке, чуть приоткрываю, прислушиваюсь, не забрешет ли собака. Тихо. Смело захожу, поднимаюсь на скрипучее крыльцо, стучусь в дверь. Жду. Никто не открывает. Догадываюсь постучать в окно, результат заметно лучше.

В доме зашуршало, закрипело, задвигалось. Дверь распахнулась, в освещённом проёме мелькнул сгорбленный женский силуэт, и вновь закрылась.

Вот вам и здравствуйте.

– Ты кто таков? – проскрипел из-за двери старческий голос.

– Путник, – ответил я. Что ещё сказать? – Машина сломалась. Ночь. Надвигается гроза...

– В дом не пушу, – резко перебила меня старуха.

Вот и весь разговор. Оно конечно понятно, мало ли кто в глухих местах бродит, но мне от этого нелегче.

– Извините.

Придётся поискать другие места. Уже у калитки меня окликнули.

– Постой.

Я обернулся. На крыльцо вышла маленькая, высохшая старушка. Слабой, трясущейся рукой подняла клюку и указала вправо:

– Можешь в сарае переночевать.

Моё «спасибо» растворилось в раскатах грома и пришлось в пустоту. Женщина шустро юркнула в дом и заперла дверь.

Я тоже не стал терять времени. Моросящий дождик в любую минуту был готов разразиться настоящим ливнем.

В сарае было сухо, темно и пахло прошлогодним сеном. Не люблю этот запах пыли и плесени, он всегда мне напоминает скоротечность времени. Совсем другое дело, свежее ещё хранящее в себе тонкий аромат полевых цветов. Ну да ладно, мы люди непринципиальные. В данной ситуации – была бы крыша над головой.

Достаю из рюкзака фонарь на 1000 люмен, включаю, осматриваюсь.

Сарай сараем. Площадь метров семь, не больше, добрую половину которой занимает груда сена. В остальной аккуратно расставлены сельхозорудия и навален всякий хлам. Телевизора нет, значит, будем спать.

Переодеваюсь в предусмотрительно упакованное в целлофан сухое бельё. Мокрое развешиваю на граблях. Рюкзак

под голову, выключая фонарь, блаженно вытягиваю ноги. Хорошо.

Правда заснуть не удаётся. Над головой гроыхает так, что сыпется труха со старых стропил. По шиферу часто стучат крупные капли. Жутко завывает ветер в щели между досок. Гроза разразилась не на шутку. Но меня это уже мало тревожит. Я успел!

Сон не шёл. В голову упрямо лезли мысли о сломанной машине и вытекающей из этого проблемы – как отсюда выбираться. Я вновь проверил телефон – сети не было. Ладно, утро вечера мудренее, что-нибудь придумаю.

Ближе к полуночи гроза стихла, и меня стало морить в сон, но видно поспать в ту ночь мне было не судьба.

– Не спишь, милоч? – послышалось из-за двери.

– Нет, – ответ зевнул я, выгребаясь из сена. Успел всё же расслабиться.

Дверь со скрипом отворилась. В освещённом луной проёме зловеще очертился скрюченный силуэт старухи.

Жутковато смотрится. Я потянулся за фонариком, но включить не успел. Тощая старческая рука потянулась в мою сторону и дребезжащий голос строго спросил:

– Веруешь?

Сердце ухнуло в район лодыжек, ладони вспотели.

– Крещённый, – растерявшись, признался я. Ничего более дельного в тот момент на ум не пришло.

– Вера приходит с годами, – согласно проскрипела стару-

ха. Видимо такой ответ её устроил. – Иконку принесла.

Только тут я рассмотрел, что в вытянутой руке зажат прямоугольный предмет. Чисто рефлекторно его взял и наконец-то сообразил включить фонарик.

Самая обычная иконка по цене в сто рублей в церковной лавке. Вот только лик на ней был словно живой. Игра света и тени, но в тот момент мне показалось, что Николай Угодник смотрит на меня грустными, понимающими глазами.словно в самую душу заглянул. Мне стало не по себе, мурашки пробежали по коже.

Старуха тихо вышла, так, что я не сразу заметил её исчезновение. Вроде только что была здесь и как не бывало.

Страшно захотелось курить. Я положил иконку в карман повешенных сушиться джинсов и вышел на свежий воздух.

Ночь пахла дождём. Вдохнул полной грудью. Хорошо! Люблю такой воздух: чистый, свежий, с запахом травы. Тучи разошлись, на чистом небе ярко светила луна.

Не спеша прикурил и вдруг заметил, что где-то далеко в ночи, словно отблеск от пламени зажигалки, одиноко затрепыхался огонёк.

Любопытно, однако. Решил посмотреть поближе. Вышел за калитку, осторожно, через шаг спотыкаясь, пошёл по улице. Вышел к лесу. Вот она заросшая просека, которая вывела меня в деревню.

Огонёк левее. Призывно трепещет на ветру, манит к себе. Ночью, после дождя, лезть в незнакомый лес – верх идио-

тизма, но, как я уже говорил, порой я совершаю нелогичные поступки.

Чертыхаясь и матерясь, проклиная всё подряд, сетуя на свою глупость, злой и сырой я упрямо лез вперёд, продираясь сквозь высокую траву и низкие ветки.

Где-то впереди послышался шум. Сначала неразборчивый слитый в один монотонный гул, но с каждым шагом становясь всё более разборчивым.

Я остановился. Показалось? Нет. Во влажном после дождя воздухе чётко слышались лошадиное ржание, плеск воды, смех и звонкие детские голоса.

Уж чего-чего я подобных звуков я здесь никак не ожидал услышать. Думал глушь, медвежий угол. Видимо ошибся. Живут здесь люди.

Стараясь не шуметь, подкрался поближе, осторожно раздвинул в сторону ветки. Так и есть. Мальчишки лет четырнадцати купают в небольшом озерце лошадей. Чистят щётками, расчёсывают гривы. На берегу ребята помладше развели костёр, жарят хлеб на палочках. В воздухе аппетитно пахнет печёной картошкой.

Защемило сердце. Картинка из моего детства. Вот также и мы ребятнёй бегали к речке, ходили в ночное, ловили рыбу на самодельные удочки и хвастались друг перед другом трофеями.

Неожиданно с боку, в кустах, раздался шум и звонкий треск сломавшейся ветки. Я резко обернулся. Никого. Лишь

ветер не спеша шевелит глянцевую от дождя листву. И тихо, тихо, как-то пусто сразу стало в лесу.

Я выпрямился и, не таясь, вышел на берег озера. Пусто. Ровная гладь воды, непримятая трава, ни намёка на костёр. Словно и не было здесь никого.

Наваждение. Чертовщина. Как всегда «вовремя» вспомнил про иконку. Уж, не за этим ли дала её старуха?

От этих мыслей стало не по себе. Скорее прочь от сюда. Но тело не слушалось. Странное дело – не хотелось уходить. Чем-то манило к себе это место. Почти осязаемо я чувствовал мягкое тепло и душевную ласку. Стало легко и свободно, ушла усталость, пропали тревожные мысли. Словно после долгого скитания вернулся домой.

Я глубоко вдохнул, прикрыл глаза, расслабился, каждой порой впитывая в себя так не хватающего в повседневной жизни чувство покоя.

Всё, пора. Я с трудом разлепил непослушные веки и, развернувшись, пошёл обратно к деревне.

Вымок я, конечно же, основательно. Пришлось опять переодеваться. Второго сменного комплекта у меня не было потому надел старую одежду. Она хоть и попала под морозящий дождик, но была не такая сырая.

Пошарил в рюкзаке, достал банку тушёнки, вскрыл любимым златоустовским ножом, перекусил. После сытного завтрака захотелось табачку.

Вышел на улицу, присел на лавочку, что вдоль забора.

Уже стало светать. Взгляд на часы – начало четвёртого. Вот и ночь прошла. Да ещё какая! Мысли плавно скользили вокруг увиденной аномалии. Что это: сон, бред, фантазмагория? Или так тоже бывает? Необъяснимая загадка природы.

Лязгнула пружиной калитка и рядом со мной присела хозяйка дома.

– Доброе утро, – люблю быть вежливым с хорошими людьми. – Не спится?

Старуха что-то прочавкала себе под нос дрожащими губами и на удивление скрипучим, пробирающим до самих костей, голосом ответила:

– В моём возрасте, сынок, время на сон терять жалко.

Тут я с ней был согласен.

– А ты пошто не спал? – спросила женщина, заглянув в мои красные от недосыпа глаза.

– Уснёшь тут, – выдохнул я.

Жуть, мурашки по коже. Взгляд у старухи был жёсткий, пронзительный, словно сама бесконечность посмотрела на меня старческими водянистыми глазами. Посмотрела, оценила и равнодушно отвернулась.

– Испужался, что-ль? Грозы то? – подначила старушка и тут же примирительно хлопнула меня по коленке. – Не сердись на старую. А иконку мою сохрани. Пригодится.

И тут меня прорвало. Я рассказал всё. Женщина молчала. Умела слушать.

– Что же это было? – спросил я, закончив свой рассказ.

– Может, показалось тебе, сынок? – усомнилась бабушка.

Я отрицательно покачал головой. Не могло такое показаться.

– Я привык доверять своим глазам.

Старуха долго молчала. Я закурил ещё одну сигарету и, прислонившись спиной к забору, прикрыл веки. Бессонная ночь давала о себе знать, глаза резало, словно в них насыпали песка.

– Был когда-то у нас племзавод с целым табуном, – наконец нарушила молчание старушка. – Вот только последнюю животинку ещё в девяносто третьем на бойню отвели, а те ребяташки, что лошадей в озере купали, сами давно отцами стали. В городе живут.

Всё верно. Мёртвая деревня. Дома кособокие, серые от полинявшей краски. То тут, то там накренившиеся заборы зияют прорехами. Нет тут никого.

– Из живых лишь я, Семёныч да Зинка-распутница остались, – словно прочитав мои мысли, сказала женщина и вновь угадав, пояснила: – Седьмой десяток разменяла, а каждый вечер к соседу чаёвничать ходит.

Я лишь усмехнулся и грустно заметил:

– А что тут ещё делать? Только в гости ходить.

– Ко мне не идут, – сухо прокаркала старуха. – Ведьмой кличут.

Утро выдалось прохладным. Я поёжился и искоса посмотрел на бабулю. Самая обычная старушка, таких миллионы на

великих просторах России.

— Пора мне, — тяготило меня это место. Я привык к городам, где толпы людей, где кипит жизнь. А тут тлен и разруха. Навевает тоску и мысли о смерти. — Спасибо за приют. В следующий раз гостинцев привезу, отблагодарю.

— Иди, сынок, иди, — не стала меня отговаривать женщина. Да и зачем? Кто я ей: друг, брат, сват, чтобы в гости звать? — Только не свидимся больше.

Ну, точно ведьма. Стараясь не обращать на её слова внимание я зашёл в сарай, собрал свои нехитрые пожитки.

— Это ты память земли видел, — остановил меня у калитки скрипучий голос старухи. — Помнит ещё, матушка, людей. Хранит в себе отпечаток босых детских ног, с росой впитала пот и кровь людей живших здесь.

Я молча кивнул ей на прощанье и зашагал в сторону брошенной вчера машине.

Может это и неправильно, но что я мог сказать этой старухе? Что разделяю её горе и боль? Что всё ещё будет хорошо? Что появятся в этой брошенной деревне новые люди и вновь заколосятся пшеницей поля, заурчат дизельными моторами трактора, побежит наперегонки к озеру детвора. Может так и случится, но это уже будет не ЕЁ деревня.

Машину я нашёл там же, где оставил. Да и куда она денется в этой глуши? Залез в салон, порылся в бардачке в поисках новой пачки сигарет и, задумавшись, по привычке повернул ключ зажигания. Верный «Патриот» тут же завелся,

заурчал мотором.

Вот так номер. Не веря такому чуду, но принимая его, как данность, я поспешил вдавить педаль газа. Хватит на сегодня приключений. Пора домой.

***

Я всё же вернулся. Через три долгих года пролетевших в одно мгновение. Вроде только вчера, вот на этом самом месте заглохла моя «ласточка» и я пошёл к мерцающему в дали огоньку.

Для меня это было вчера и как же многое изменилось всего за одну ночь. Деревня встретила меня гнетущим молчанием и поросшим бурьяном.

Я остановился возле знакомого дома. Вышел из машины, глубоко вдохнул и тронул жалобно заскрипевшую проржавевшими петлями калитку. Сделал шаг и...остановился. Идти дальше не было смысла. Дом встретил меня наглухо заколоченной дверью.

– Вот и всё, – сами собой сорвались с губ тяжёлые слова.

Я аккуратно прикрыл калитку и пошёл обратно к машине.

Всё будет завтра

Помню, в одной песне пелось: «Вагонные споры последнее дело, когда больше нечего пить». Пить действительно было нечего. И не с кем. Попутчики в этот раз мне попались сугубо трезвого образа жизни. Мамаша с двумя детьми, женщина предпенсионного возраста с приятной внешностью и взглядом директора школы, а также молодой человек с чисто интеллигентной наружностью и очками а-ля Гриша Лепс.

«Эти нам не товарищи» – подумалось мне и оказалось в точку. Не успел за нашим окном скрыться перрон, как дети загалдели, женщина достала книжку, а парень вынул из сумки магнитные шахматы и предложил мне партию.

Я небольшой любитель данного времяпрепровождения хоть и ходил в третьем классе в шахматный кружок. Бросил, скучно. Моя игра – раскинуть картишки или погребеть костяшками домино.

Однако согласился. Развлечений в поезде немного.

Свою оплошность я осознал уже в середине первой партии. Играть с парнем было неинтересно. Думал он долго, ходы делал нерешительно, по несколько раз трогая то одну, то другую фигуру. Я бросал тоскливые взгляды на книгу в руках женщины, зевал в окно и проигрывал.

Когда мне поставили третий мат подряд, вежливо предлагаю сыграть в «Чапаева», за что и получаю удивлённо-воз-

мущённый взгляд оппонента, улыбку соседки и восторженные восклицания детей.

Нет, так нет, я не настаиваю.

Поезд остановился на очередной станции. Лениво смотрю в окно. Взгляд останавливается на парне в инвалидной коляске.

Безногий оборванец, попрошайка милостыни с надписью «Россия» на синей футболке сидел в коляске и пил из коробки сок. Мимо проходили люди, изо всех сил стараясь создать вечную вокзальную суету. У них неплохо получалось. Гам, шум, давка.

Люди пробегали мимо инвалида, огибали его, изредка бросая мелочь, в грязную шапку, лежащую на обрубках ног. Мужчина благодарил их кивком головы.

– Весьма показательно, – поправив очки, прокомментировал вид из окна попутчик. – Нищая Россия, страна-инвалид, о каком скачке вперёд можно говорить, если вместо ног одни обрубки? Позорище.

Я, конечно, не спорю у нас в стране свобода слова, каждый может думать и говорить что хочет. Да и я не являюсь таким уж патриотом, чтобы рвать на себе тельняшку и до хрипоты спорить на кухне с соседом. Но задело, покорило. Хотел ответить, не успел.

Сидевшая рядом со мной женщина отложила книгу, посмотрела сперва в окно и перевела удивлённый взгляд на молодого человека.

– Вы так негативно относитесь к попрошайкам или просто не любите свою страну? – спросила она, угадав с кем были проведены параллели.

Парень возмущённо замахал руками.

– Что вы, я самый ярый патриот России. Потому мне горько и обидно видеть, во что превращается некогда великая держава. И всему виной наше правительство.

Я молчал, не вмешивался. Не люблю политические споры, они бессмысленны. А молодой человек заводился всё больше.

– Вся страна погрязла в коррупции и воровстве. Ничего не производим, лишь потребляем. Весь мир нас держит за дураков, считает сырьевым придатком и тянет, тянет. Работаем на благо Европы и С.Ш.А..

Мне стало совсем неинтересно, и я вновь отвернулся к окну. Безногий калека допил сок и, примерившись, кинул коробку в урну. Не попал. Бывает. Я сам с трёх шагов не всегда попадаю.

Мужчина развернул коляску и, подъехав к урне, потянулся за коробкой. Не получалось. Это нам, здоровым, стоит лишь нагнуться. А этот вот-вот соскользнёт, но упорно старается подобрать мусор, балансируя на краю.

Помог проходящий мимо парень. Подобрал, выкинул, даже сунул попрошайке купюру и пошёл дальше.

– Нет, молодой человек, нельзя так отзываться о родине. Она одна и мы должны, не только гордиться её достоинства-

ми, но и принимать её недостатки. И по возможности их искоренять, – в отличие от оппонента женщина говорила спокойно, нравоучительно. Как есть учительница, подумалось мне. – Представьте – ваша мать работает уборщицей в общественных туалетах, начальник сволочь, дома муж-алкоголик. Денег в кошельке на полбатона. При такой картине вы будете любить свою мать или устыдитесь и каждый раз при виде бомжа у помойки будете прилюдно сравнивать его с человеком, давшим вам жизнь?

Я заинтересованно повернулся к спорщикам. Интересно, чем ответит на сравнение мой давешний партнёр по шахматам.

– У меня мама бухгалтер, а папа кандидат наук. – прозвучал гордый ответ.

Не в родителей. Я разочарованно отвернулся.

– Да вы только поглядите на него, – продолжал гнуть свою линию в массы попутчик. – Как можно гордиться родиной, если всякие оборванцы надевают на себя футболки с надписью бросившей их страны. Ещё бы флаг на коляску прицепил. Позор.

Возражений не последовало. Женщина видимо и сама уже поняла бессмысленность своих аргументов.

А мне захотелось выйти. Покинуть вагон, чтобы больше не слышать этот бред, не дышать одним душным воздухом с человеком, для которого слово «Родина» служит синонимом к слову «Геноцид». В его речах явно проступало жела-

ние согнать в большую газовую камеру всех оборванцев, попрошаек, бомжей, людей третьего сорта.

Я резко встал, прихватил свой рюкзак, кивнул на прощание женщине и вышел на перрон.

В уши сразу ударил шум и гам, в нос запах пота, мазута и всевозможной еды от выпечки до шаурмы, а в плечо пузатый дядька, как локомотив, прущий на себе два здоровенных клетчатых баула.

Потирая ушибленное плечо я направился к попрошайке, дабы в свою очередь высыпать ему горсть мелочи, что постоянно копится в карманах.

Подхожу, бросаю деньги, смотрю на лицо – молодое, лет тридцать пять, не больше. На одном плече из рукава синей футболки выглядывает трудноразличимая из-за страшного ожога армейская татуировка.

– Воевал? – спросил я глядя в мутные, невыразительные глаза парня. Я знаю этот взгляд: брошенный, ни во что не верующий, уставший от жизни.

– В Чечне, – прокуренным хрипом ответил инвалид.

– Ноги там потерял?

– По-пьяни отморозил.– Оскалился парень. А кому понравится праздное любопытство на болезную тему?

Но я иногда бываю изрядной сволочью.

– А горел где?

Молодой человек чуть подумал, не послать ли меня и, решившись, сказал правду:

– Там.

Я протянул ему руку.

– Спасибо.

– За что? – удивился он. – За то, что горел?

Я отрицательно помотал головой.

– За то, что не горели мы.

Ладонь его была крепкой и жилистой. Рукопожатие сильным и искренним.

Обидно за таких вот людей. С покалеченным телом и душой. Жалости нет. Есть злость на несправедливую судьбу. Какие-то подонки живут в своё удовольствие: убивают, грабят, насилуют и ничто им за это не бывает. А нормальные хорошие люди...

Я тепло попрощался с парнем и поспешил с вокзала. Не люблю большое скопление людей. Неуютно.

И вновь, здравствуй незнакомый город. Чем живёшь, чем дышишь? Как встретишь меня, путника? Сколько таких вот провинциальных городков я повидал, и ни один не похож на другой. У каждого своя история, культура, традиция. И жизнь в них разная. Где-то неторопливая, размеренная. Где-то быстрая, энергичная.

Пройдёшься по улочкам, присмотришься к дорогим иномаркам, новостройкам, улыбчивым людям. Мамаши с колясками не спеша прогуливаются по аллеям, строители ремонтируют фасады домов, магазины украшены гирляндами воздушных шаров и вывесками «Мы открылись», «Нам пять

лет». Идёшь и радуешься. Живёт город, процветает.

Правда приводила меня дорога и в совсем другие места. Серые «хрущёвки», выбоины в асфальте, старики на улицах. В редком углу горит фонарь и те тускло вполнакала.

Здесь для радости нет причины. Озлобленны люди, чужаков встречают хмурым подозрительным взглядом и закрытыми ставнями в окнах. Звон церковных колоколов тревожным набатом разносится по округе. Вымирающие города. Натура для картины Левитана.

Я проигнорировал остановку общественного транспорта, захотелось пройтись пешком. По тенёчку аллей, подышать прохладой, остыть после душного, прожаренного солнцем вагона.

В общем, чётко и последовательно выполняю все положенные инструкции. Иду, любуюсь незатейливой красотой провинциального городка. Здесь нет высотных домов, как в мегаполисах, в основном частный сектор лишь изредка нарушаемый уродливыми панельками времён советского застоя. Но, как ни странно это нисколько не портило общего фона. Всё легко и гармонично.

Шагах в десяти передо мной дорогу перебежала чёрная кошка. Я резко остановился, как учили, сплюнул три раза через левое плечо и, подумав, свернул в сторону.

Я вообще по жизни человек суеверный, а после мистической истории в брошенной деревне, особенно. Завсегда за приметив, спотыкаюсь на правую. В дорогу не убираюсь. Ес-

ли что-то позабыв, возвращаюсь домой, обязательно глупо улыбаюсь своему отражению в зеркале.

Сворачиваю за угол и резко торможу. Прямо передо мной на утрамбованной асфальтной крошкой дороге лежит крест. Точнее его тень. Глубокая, насыщенная, словно нарисованная.

Не знаю, как вы, но я ещё никогда не видел тень от церковного креста с куполами. Или просто не обращал внимания? А тут – чётко, контрастно, само бросилось в глаза.

Тяжело вздыхаю – опять мистика, снова знак. Знать бы ещё для чего. Кто бы научил, как трактовать подобные явления.

Пожимаю плечами. Поднимаю взгляд. Маленькая бревенчатая церквушка с покрытым оцинкованным железом куполом и ослепительно сияющим в лучах солнца крестом.

Непредсказуемая мысль тут же сместилась к иконке Николая Чудотворца лежащей у меня в рюкзаке. Может зайти?

Подхожу к гостеприимно распахнутой калитке. Рядом плакат с изображением лика Серафима Саровского и надпись: «Радость моя, молю тебя, стяжи дух мирен и тогда тысячи душ спасутся около тебя». Захожу.

Из церкви выходят прихожане, крестятся. Видимо только что закончилась служба.

Войти в храм не решаюсь, словно стесняюсь. Вроде что такого? Но ноги не идут, словно вросли в землю. Люди проходят мимо меня, удивлённо озираются, но ни слова попе-

рёк. Стоит себе и стоит, значит ему так надо.

Последним из церкви вышел батюшка. Уже немолодой, но ещё далеко нестарый, с приметными рыжими волосами и бородой. Подходит ближе, смотрю в глаза. В них тоска и надежда, словно давно уже ждёт чего-то и не может дождаться.

Что меня толкнуло подойти к нему, я до сих пор не знаю. Но, поди ж ты, случилось.

– Святой отец, можно вас на минуточку? – я понятия не имею, как нужно обращаться к церковным служащим, сказал первое, что пришло на ум.

Батюшка, не останавливаясь, прошёл мимо, бросив на ходу:

– Извини, сын мой, тороплюсь.

И вышел за калитку.

Нет, так нет. Всё понимаю. Мало ли у человека дел неотложных?

Выхожу следом, иду вдоль забора. Мучаюсь вопросами. Зачем вышел на вокзале? Зачем пришёл к церкви? О чём хотел поговорить со священником? Зачем я в этом городе? Не знаю ответов. Иногда складывается впечатление, что кто-то ведёт меня по жизни. Вот только для чего?

– Молодой человек, папироской не угостите? – притормозил около меня бодрый старичок, толкающий за пластмассовую ручку перед собой детский велосипед с гордо восседающим на нём внуком. – Свои дома оставил, не возвращаться же?

– Да, примета плохая, – согласился я, вынимая из кармана пачку.

– Благодарю, – мужчина заспешил дальше.

Я обернулся на церковь. Не давала она мне покоя. Не на месте душа. Тянет.

Вернуться? А как же примета? Я решительно развернулся. Пора бороться с замшелыми стереотипами и бабушкиными сказками.

Иду не спеша, хотя нестерпимо хочется прибавить шаг. Словно опять кто-то толкает в спину. Не знаю кто, но я борюсь. С ним, с собой, неважно.

Подхожу к калитке. Во дворе пусто. И зачем я вернулся? Однако полегчало, посветлело на душе – значит, всё правильно сделал.

– Молодой человек, вы хотели поговорить со мной?! – неожиданно раздаётся за спиной чуть хрипловатый, но приятный мужской голос.

– Хотел, – откликаюсь я и поворачиваюсь, уже зная кого увижу. – Вы вроде спешили?

– Так и есть, – важно начал святой отец, но отчего-то смутившись, закончил уже по-простому: – Хотел на машине с прихожанами до дома доехать. Теперь придётся пешочком.

Мне стало неудобно. Я и сам толком не представлял, зачем его окликнул. Но не признаваться же в этом? Язык не повернётся. Наверное, это малодушие, но такой уж я человек.

– Давайте я вас провожу, – предложил я, пытаясь оттянуть разговор и хоть чем-то отплатить за беспокойство. – По дороге и поговорим.

Святой отец как-то странно на меня посмотрел, словно догадался о моём самодурстве, однако промолчал.

Я понял – пора импровизировать. И тут я вспомнил о подаренной старухой иконке, так и лежащей в одном из карманов моего рюкзака.

– Святой отец...

– Отец Михаил, – представился он, старательно пряча разочарование и досаду.

– Отец Михаил, мне нужен ваш совет. Две недели назад со мной приключилась странная история.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.